

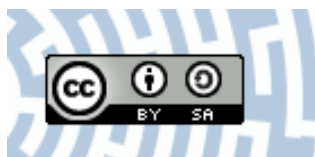

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: ‘Гады’ и ‘рыбы’ аквариумного отображения (1)

Author: Piotr Czerwiński

Citation style: Czerwiński Piotr. (2019). ‘Гады’ и ‘рыбы’ аквариумного отображения (1). "Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies" T. 5, nr 5 (2019), s. 15-33, doi 10.31261/ZOOPHILOLOGICA.2019.05.03

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

PIOTR CZERWIŃSKI

 <http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Силезский университет в Катовице

Филологический факультет

‘Гады’ и ‘рыбы’ аквариумного отображения¹ (1)

‘Аквариум’ как типологически обусловленный образ

Начнем с представления о том, что такое аквариум, чем он является для сознания и как его можно воспринимать. Пока что вне помещаемых и содержащихся в нем существ. Для начала подобного рассмотрения видится стоящим различать то, что связывается с проблематикой образов. Одно дело образ аквариума либо чего-то другого для сознания, ориентирующего себя в окружающем мире, в реальной действительности, в том, что считается для сознания таковой. Другое тот образ, который определяют существующие в том же сознании социальные знания. Или, иными словами, общественно устанавливаемый, регулирующий контекст, предполагающий интерпретацию существующей в том же сознании условно реальной действительности. И, наконец, тот образ, который возникает и складывается вследствие существующих языковых отражений. В семантике слова и словоупотреблений, типичный для фразеологии, идиоматики, текстов национальной культуры в их совокупности. Будь то тексты художественные, фольклорные, мифологические, религиозные, равно как и современного речевого узуса, включая политику, идеологию, публицистику и т.п. Иными словами, образ, который следует и возникает в связи

¹ Статья представляет собой переработанный вариант одного из фрагментов монографии автора *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь, Крок, 2015.

с представлениями о так называемой языковой картине мира, этнокультурной по своему существу.

В какой мере этот образ является следствием интерпретации, а в какой он естествен, но своим, следующим из языка, естеством. Языка как средства мышления и ориентирующего существования для сознания, а не просто как средства общения. Этот вопрос, далеко не простой и не однозначный, не будет нас в принципе интересовать. Необходимо только отметить, что, интерпретативный или естественный, в любой из своих частей, данный образ влияет, способен влиять, и на то, каким воспринимается тот или иной реальный предмет, и на то, как и каким будет восприниматься предмет, только по виду реальный, на деле же таковым не являющийся. К разряду таких предметов, в частности, следует относить 'предметы', видящиеся во сне.

В связи с чем возникает еще одно важное представление образа. 'Образ', который возникает, появляется, складывается на основе традиции, точнее традиций, существующих с толкований 'объектов' снящейся, кажущейся в момент сновидения реальной, "действительности". К этому можно добавить 'образы', которые возникают как следствия из каких-либо интерпретативных практик – гадательных, символических, ритуальных и пр. Однако оставим этот возможный, хотя и важный, аспект без внимания.

Итак, перед нами четыре (по крайней мере) 'образа'², соотношения между которыми, равно как и само их наличие в сознании, могут влиять на характер того, что получает объяснение и затем вероятное толкование: 1) "реальный" образ ориентирующего в действительности и пространстве отображения; 2) "социальный" образ отображения действительности, ориентирующий сознание в ней, в отношении того, что думают люди о том и другом, что следует думать, как вести себя, что говорить и что делать; 3) этнокультурный образ, следующий из языковой картины мира, на ней основанный и ее в себе отражающий; 4) интерпретативно-има-

² Говоря о дифференциации образов, стоит упомянуть работы психологов, касающихся данных проблем. Так, А.А. Гостев и В.Ф. Рубахин выделяют репродуктивные образы (образы памяти), образы воображения, сновидения и сновидные образы, образы гипнагогические (дремотного состояния), гипнопомпические (этапа выхода из состояния сна), галлюцинаторноподобные, иллюзорные, подробно характеризую каждую разновидность – А.А. ГОСТЕВ, В.Ф. РУБАХИН: *Классификация образных явлений в свете системного подхода* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/851/851033.htm> [дата обращения: 15.02.2015]. Интересующегося читателя отсылаем также к литературе предмета. Для стоящей задачи все эти, равно как и другие виды существующих образов, не будут важны. Объектом нашего рассмотрения будет концептуально интерпретируемый сновиденческий образ. В каком-то важном, добавим, для того, кто его «увидел», ключе.

гинативный³ по своему характеру образ, существующий для восприятия и обсуждения, определения его и говорения о нем, как выводимый на материале снотолкований, описания сновидений, гадательных, символических, ритуальных практик и т.п.

Попробуем обратиться к ним, первому, второму, третьему и четвертому, для более полного представления о последнем из них, на материале взятого для подобного обсуждения ‘аквариума’. Объединяющим всех четырех представлений будут для нас словари толкования сновидений. Во-первых, в силу того, что задачей их является необходимость ориентирующего объяснения образа, вписывающего его в сферу сознания, существования и психики человека. Во-вторых, потому, что характеризующие сновиденческие объекты, а также действия, признаки и прочие проявления отображаются в них не как таковые, а как приснившиеся. Или пропущенные через сознание, восприятие, ощущения спящего и как условно реальные, с реальными соотносимые для него, и, одновременно и вместе с тем, нереальные. Поскольку то, что приснилось, исходно известно, не есть та действительность, в которой живет человек и себя проявляет, но это что-то, с одной стороны, что ее отражает, а с другой, по общему мнению и в традиции снотолкований, способно в каких-то случаях на нее повлиять. Из чего неизменно следует, что приснившийся образ будет иметь значение, которое не равно себе самому, не равно объекту, в реальной действительности ему соответствующему, и не равно тому, что сновидец, сам по себе, без обращения к различным источникам, способен ему приписать. Все это создает не случайное и показательное значимое поле для рассуждения об образах. В их отношении к сознанию и восприятию, равно как и позиции в том и другом, поскольку об этом речь.

Для заявленного начала обратимся к цитате. Андреас Баумгартен в своей *Большой книге снотолкований*⁴ предлагает такое объяснение разбираемого образа:

аквариум с рыбами или гадами предвещает главным образом финансовые успехи, в то время как пустой – заботы и неприятности. Если мы сами плаваем в аквариуме, то, возможно, нас ждут потери.

Первое, на что следует обратить внимание, это на противопоставление «полного» (так, впрочем, не названного), с рыбами и гадами, и пустого, т.е. без них. Возможно также, по крайней мере в случае рыб, и без воды. При этом, что, отчасти, понятно и объяснимо, но только отчасти и не всегда,

³ Под имажинативным будем понимать образ, характерный для воображения и/или сознания.

⁴ А. БАУМГАРТЕН: *Wielki sennik*. Пер. с нем. (*Das große Buch der Traumdeutung*) М. АНТКОВИЯК. Warszawa 2005. Перевод с польского здесь и далее мой – П.Ч.

полное – позитивно, пустое – наоборот. К этому необходимо добавить не только созерцательное, но и участвующее восприятие образа. Одно дело видеть аквариум (с рыбами или гадами либо пустой) и другое – самому плавать в нем. Попробуем в связи с этим об этом различии на примере аквариума порассуждать, привлекая для этого материалы других словарей, в том числе и толковых.

Кажущаяся идентичность объектов

Существенное значение для интересующего нас предмета имеет также и то, что в приведенном у данного автора толковании следовало бы говорить не об одном реальном стоящем за описанием объекте, а, по крайней мере, о трех. Аквариум с рыбами – это одно, он наполнен водой и служит одному представлению. Аквариум с гадами, называемый также *террариум*, это нечто для представлений другое, хотя по виду и форме от аквариума с рыбами нередко не отличающееся. И, наконец, тот аквариум, в котором «мы сами плаваем», т.е. можем, способны плавать, по-видимому, не тот же предмет, в котором (типично) плавают рыбы или в котором помещаются гады. Также само понятие *гады* в применении к аквариуму может быть не однозначным, поскольку гадами могут считаться лягушки, жабы, змеи, саламандры, черепахи, тритоны, крокодилы и др., т.е. животные существа, относящиеся к земноводным, амфибиям и пресмыкающимся. Разных размеров, видов, природных характеров и среды обитания, требующие по этой причине разных террариумов или аквариумов для своего содержания.

Памятуя о существе сновиденческих, а не других каких-либо представлений, связываемых с тем, что можно определять как (иногда постепенное) проступание, т.е. нечеткость, неясность, неокончателность и неопределенность, следовало бы говорить, в рассматриваемом нами аспекте, о непрорисованности и неоформленности, в том числе и самих этих гадов, которые в аквариуме во сне. Гады эти могут быть, с одной своей стороны, любыми из существующих, а с другой, и более важной для разбираемого нами предмета, такими гадами, которые существуют как гады в сознании, в представлениях, в мысли о них, будучи гадами одновременно как таковыми вне классифицирующей их дифференциации. Иными словами, концептуальными ‘гадами’. Так же как ‘рыбами’ в первом случае как таковыми, неважно какими, но отличающимися, в достаточном отношении, для представлений о них, от не рыб.

Прежде чем перейти к рассмотрению предметности характеризуемого ‘аквариума’, стоит задуматься над вопросом, что значит увидеть во сне аквариум с рыбами или гадами. Вполне очевидно, что это не тот аквариум, который обычно имеется в доме, воспринимаемый как аквариум с рыбками. Скорее, это аквариум для посетителей, в зоологическом парке, городском саду, т.е. в специально для этого предназначенном месте. И тогда рыбы и гады могут быть соответствующих, не слишком малых, размеров. Вопрос о том, какие там плавают рыбы, каких разновидностей и пород, видимо, не существен. Рыбы воспринимаются как существа, поскольку они водоплавающие, применительно и в отношении, прежде всего, своей среды. Вряд ли кому-либо придет в голову уточнить в заявлении «Я видел рыбу вчера в реке (в озере)» или «О, смотри, вон рыба плывет», что именно это за рыба. Можно предполагать уточнением в лучшем случае ее размер, если он не обычен для средней рыбы: *я видел большую рыбу; смотри, вон какая большая (огромная) рыба*. Рыба в воде, не для специалиста и рыбака, есть просто рыба. Так же как птица, особенно если в полете или на расстоянии, хотя, может, в меньшей степени. Ср.: *Вон на дереве птица сидит; Над головой (у него) пролетела птица; К окну подлетела птица*. Вопрос об “индивидуальности” птицы при видении, однако, более показателен, чем в отношении рыб. Представление о рыбах как таковых, иными словами, существенным образом отличается от такого же представления о птицах. К этому следовало бы также добавить и то, что если аквариум с рыбами (как клетка с птицами), то вполне очевидно, что речь идет о рыбах (и птицах) разных пород, что, по-видимому, имеет место и при толковании сна.

Что касается гадов, вряд ли можно представить себе сообщение типа *Я видел гада вчера...* или *О, смотри, вон гад...*, поскольку где его видел – в лесу, на дорожке, в парке, у озера, и то, как он передвигался – полз, прыгал, плыл, уже будет требовать обозначения, какого именно гада. Также, впрочем, как и животное, которое, если и фигурирует в чем-то таком, то с показателем неопределенности *какое-то*: *Мы видели двух каких-то животных; На дорогу выскочило (выбежало) какое-то животное* (а не просто животное), нередко, с предполагаемым уточнением, *похожее на собаку, на волка, лису, кабана* и т.п.

Применительно к гадам, во-первых, в силу их существенно различающихся в разновидностях свойств (лягушка ни в чем не похожа на черепаху или змею, равно как и эти последние одна на другую), нельзя просто увидеть гада, как птицу или рыбу. А во-вторых, в силу различий их сред обитания, в целом, если не близких, то не далеких от человека (так или иначе, они часто встречаются на земле), опять же в отличие от птиц или рыб, – определение *гады* не может быть идентичным определению *рыбы*.

Рыбы могут быть более или менее сходными, одинаковыми, похожими, малыми, средними и большими, одной разновидности, вида, равно как и разных. Слово *рыбы*, тем самым, может служить тривиально как родовым, так и видовым, равно как индивидуальным определением. Словом *гады* обозначается род, а тем самым, в обычном употреблении, то, что предполагает наличие гадов различных видов в каком-то совместном либо не различающем представлении.

‘Аквариум с гадами’, тем самым, предполагает а) присутствие в нем в определяемый момент способных быть вместе разных гадов, скажем, жаб, лягушек, саламандр, тритонов, ящериц, черепах (змей с крокодилами там же было бы уже невозможно представить); б) потенциальную возможность присутствия в нем разных гадов как его предназначенность, без специального уточнения, какие из них в нем находятся, если находятся, в данный момент; в) неопределенность их видового присутствия: есть там какие-то гады из гадов, но не суть важно какие; г) аквариум, если не помещение, то череду аквариумов либо один аквариум, разделенный на секции, что допускает возможность их совмещенного содержания, гадов разных видов, пород.

Применительно к толкованию А. Баумгартена следовало бы говорить о том, что было названо в предпоследнем пункте (не исключая последний пункт), т.е. о неопределенности видового присутствия – любые гады и гады как таковые, как класс и разряд, отличающий их от не гадов. В связи с чем не случаен вопрос о том, что такое гады, чем они могут быть для сознания и восприятия, что отличает их, представления о них, от того и от тех, что не гады. Такой же вопрос вполне приложим и в отношении рыб. Однако поскольку предметом нашего рассмотрения выступают пространственные объекты, к каковым относиться будет аквариум, поставленный вопрос о гадах и рыбах, не опуская, свяжем с ним.

Можно ли воспринимать тот объект, который назван при толковании *аквариумом*, как общий, такой же, применительно к рыбам, гадам и плаванию в нем самому или, как было отмечено первоначально, это все же три разных объекта? Либо, как другое решение в связи с другой постановкой вопроса: вид аквариума, как вид или виды рыб и гадов в нем, применительно к толкованию, не имеет значения?

Логичным было бы предположить допустимость как первого, так и второго. Ничто не мешает, в принципе, воспринимать аквариум как такой объект, который может служить одинаковым образом рыбам, гадам и плаванию в нем, равно как и быть любым аквариумом, каким бы он ни приснился и как бы там ни представился, как снящийся имажинативный объект.

Прежде чем рассмотреть возможные следствия представляемого для того и другого аквариума содержания, обратимся к материалам толко-

вых и других словарей, чтобы лучше понять и увидеть, что такое аквариум. *Словарь русского языка в 4-х томах* (1981 г.) определяет аквариум в 1-м значении как «Искусственный водоем или стеклянный сосуд для содержания и разведения рыб, водных животных и растений». И, соответственно, во 2-м, как «Специальное учреждение для изучения водных животных и растений». В *Толковом словаре русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова (1935) аквариум определяется как «1. Стеклянный резервуар с водой, в к-ром содержатся и разводятся рыбы, водные животные и растения. 2. Сооружение, здание, в к-ром содержатся, разводятся и показываются посетителям рыбы, водные животные и растения». У В.И. Даля (1860-е годы) аквариум фигурирует как «устройство для разводки разных водорослей и водожилых животных; водоемъ, водникъ, водничекъ». Более точным и полным выглядит определение в *Словаре иностранных слов* (1982): «резервуар (от застекленных ящиков и стеклянных банок до крупных бассейнов), приспособленный для содержания, разведения, изучения и демонстрации водных животных и растений; разновидности аквариума: дельфинарий, океанариум». *Большой толковый словарь* под ред. С.А. Кузнецова (1998) уточняет определение, приводимое в Словаре 1981 г., в том отношении, что искусственный водоем в нем толкуется как «бассейн», а учреждение 2-го значения предназначается «для изучения и демонстрации водных животных и растений, содержащихся в особых бассейнах».

В *Большой советской энциклопедии* (1949) аквариум определяется как «сосуд со стеклянными стенками или целиком стеклянный, служащий для содержания и разведения водных животных и растений» и как «специальное учреждение для содержания в живом состоянии и демонстрации представителей морской и пресноводной фауны и флоры». Подчеркивается при этом, что «Соответственно различному назначению А. и условиям, необходимым для содержания разных объектов, устройство, форма и размеры А. весьма различны». Википедия, давая наиболее обобщенное представление об аквариуме, определяет его как «прозрачную емкость для постоянного содержания водных организмов», с тем уточнением, что «Чаще всего под аквариумом понимается *домашний (комнатный) аквариум* для содержания аквариумных рыбок в домашних условиях». «*Публичные аквариумы*, предназначенные для демонстрации зрителям водных флоры и фауны» существуют «в составе зоопарков как отдельные зрелищно-просветительские учреждения». Сообщается также, что «В аквариуме можно содержать практически любых живых существ, которые в природе обитают в воде: морских и пресноводных рыб, растения, ракообразных, моллюсков, земноводных, рептилий и кораллы». То есть, добавим от себя, и некоторых из гадов, тех, которые земноводные и рептилии, обитающие в воде, – лягушек, тритонов, крокодилов и черепах.

Из приведенных определений следует:

1) то, что аквариум середины – второй половины XIX столетия, согласно тому, что дается у Даля (в исторические разыскания вопроса углубляться не будем), предстает как какого-то вида устройство, похожее на водоем, в первой половине XX века – как стеклянный, со стеклянными стенками, сосуд или резервуар (в своем первом значении) и, наконец, во второй половине XX века – как то и другое (то либо другое, не обязательно из стекла, но прозрачное), с тем уточнением, что водоем этот искусственный, и он же определяется как (специальный) бассейн, который может быть крупным;

2) то, что аквариум предназначается для разведения, содержания, демонстрации, изучения водных животных, растений и рыб (в том числе и “земноводных” гадов, однако о том, что в нем можно плавать, не говорится);

3) то, что аквариум может быть разных размеров, устройства и формы.

Что касается 2-го значения, как учреждение, *аквариум* так начинает определяться с Толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова (у Даля подобного объяснения не находим), представляясь в нем как сооружение, здание, в котором содержатся, разводятся и показываются рыбы и пр. представители водной фауны и флоры, размещаемые, как следует полагать, в различных аквариумах. Первое и второе значения, тем самым, связываются метонимически.

Тем самым, аквариум предстает как искусственный по преимуществу, водный, наполняемый водой, обычно прозрачный (стеклянный) резервуар, в котором находятся водные обитатели для наблюдения. Характеризующими будут параметры а) емкости, б) наполненности (наполняемости) водой, в) наличия представителей водной фауны-флоры, г) доступности их наблюдению и изучению. Все остальное служит определению «аквариумных разновидностей».

Для языкового сознания ведущим будет то, которое нашло свое выражение в Википедии с помощью уточнения «Чаще всего», т.е. это будет ‘домашний аквариум для содержания аквариумных рыбок’. Толковый словарь польского языка⁵ определяет аквариум именно в этом ключе, объясняя его как «zbiornik ze szkła wypełniony wodą, służący do hodowania ryb / емкость из стекла, наполненная водой и служащая для разведения рыб». При том, что толкование, содержащееся в *Словаре иностранных слов*⁶, выглядит несколько шире: «zbiornik na wodę, zwykle szklany, służący do obserwacji i hodowli zwierząt (zwłaszcza ryb) i roślin wodnych / емкость для воды,

⁵ *Inny słownik języka polskiego*. Т. I. Ред. М. Ва́нко. Warszawa 2000.

⁶ *Słownik wyrazów obcych*. Сост. Л. Wiśniakowska (на основании: *Wielki słownik wyrazów obcych*. Ред. М. Ва́нко). Warszawa 2004.

обычно стеклянная, служащая для наблюдения и разведения животных существ (особенно рыб) и водных растений». Аналогичные английские и немецкие источники⁷ повторяют ту же тенденцию. Толкования в этих словарях отражают то, что более типично и воспринимается в первую очередь (выступая как прототип). Таковым будет представление о прозрачном сосуде с водой для содержания рыб (или рыбок). Равно как и то, что возможно и также будет аквариумом – любая, обычно прозрачная, емкость с водой для разведения не только рыб, но и водных животных, растений.

Различающие и характеризующие признаки как средства реализации образа

Итак, как следует из приведенного материала, аквариум воспринимается, в первую очередь, как прозрачная емкость с водой для содержания и наблюдения рыб, а тогда то, что он в разбираемом толковании выступает с рыбами или гадами, необязательно предполагает применительно ко второму случаю (с гадами) наличие в нем воды. Существенным остается а) прозрачность, б) дающая возможность видеть и наблюдать, что в) внутри имеются существа, которые, если г) рыбы, предполагают д) воду, а если е) гады (поскольку «или»), ж) не только воду, включая также возможность и отсутствие самой воды.

Аквариум в этом последнем случае не наполнен водой, но в нем сидят, находятся живые подвижные существа. То, что он фигурирует далее как пустой, тем самым, в первую очередь, может предполагать отсутствие не столько его наполняющей по своему предназначению воды, сколько отсутствие в нем этих самых живых существ (рыб или гадов).

Прежде чем перейти к рассмотрению третьего случая, при котором «мы сами плаваем в аквариуме», имеет смысл обратить внимание на две не случайные, по-видимому, особенности. Понятно, что пустое и полное представляется значимым и различающим в отношении аквариума.

⁷ Ср. помещенные в Интернете такие словарные определения: англ. «A glass container in which fish and other water creatures can be kept. / Стеклянный сосуд, в котором рыбы и другие водные существа могут содержаться» и нем. «1. Meist viereckiger Glas- oder Plexiglasbehälter, der mit Süß- oder Seewasser gefüllt ist und zur Pflege, Zucht und Beobachtung von Wassertieren (meist Fischen) und Wasserpflanzen dient. 2. Aquarienhaus. / 1. Чаше всего четырехстенный стеклянный либо из плексигласа сосуд, наполненный пресной либо морской водой и предназначенный для ухода, изучения и наблюдения за водными существами (обычно рыбами) и растениями. 2. Помещение».

С живыми в нем существами, а также водой дополнительно, как позитив, с отсутствием в нем того и другого как негатив. Данное свойство можно было бы интерпретировать как *исполненность* (для аквариума), реализацию его назначения в отношении полного, его “полноту”, и *неисполненность*, нереализованность, “пустоту”. Этим и объясняется то, что пустой аквариум – это плохо, а полный в отношении своего назначения, не одной только налитости водой, хорошо. Двумя обозначенными в начале абзаца особенностями в связи со сказанным будут 1) то, что отмеченная полнота аквариума почему-то связывается (и тогда почему?) не с чем-нибудь просто так положительным, а с успехами, определяемыми как финансовые, и 2) то, что его пустота, несимметрично, предполагает не отсутствие этих самых успехов в финансовой сфере, а заботы и неприятности, что трудно воспринимать как отсутствие, скорее наоборот, как наличие, но не успехов, а беспокойств.

Правомерным будет в связи с этим первым вопрос. То, что успехи, и то, что финансовые, следует воспринимать как два разных по своему характеру признака, объединенных в одно, или как некое целое, с помощью одного словосочетания выраженное? Вопрос сам по себе не праздный, отмечающий характер предципирующего восприятия, а на этой основе и соответствующего отношения к объекту. Одно дело сказать и представить что-нибудь типа *Мы подошли к высокой стене*, с предположением стены как места и указанием на определяющий характер ее как объекта, который встретился по пути. И совершенно другое сказать то же самое, предполагая ее как преграду, которую следует, но которую будет непросто, в связи с ее этим признаком, преодолеть. Так же как, скажем, фраза *Мы живем вон в том новом доме* (к которому необходимо подойти или подъехать, к которому мы продвигаемся, *вон тот новый дом* в этом случае выступает как некая целостность и ориентир, указатель цели движения). Или *Мы живем вон в том новом доме*, с предположением, какой он в своих характеристиках как новый дом. В этом случае целостность распадается на два дополняющие друг друга в своей предикации представления: 1) то, что имеется перед глазами дом, в котором мы теперь живем и с которым при виде, показывая на него, с ним знакомят, и 2) то, что этот дом новый, а потому и то, что из этого следует, также становится важным и самостоятельно определяющим.

Исходя из представления о том, что объясняемый как имажинативный образ ‘аквариум с рыбами или гадами’ (без указания на наличие либо отсутствие во втором случае воды), финансовые успехи, видимо, следует воспринимать как единое целое. То есть важны не успехи, которые как таковые финансовые, а то, что это успехи, имеющие денежное выражение, обогащение, достижение значимых результатов в финансовой сфере. Речь, тем самым, идет не об успехах и достижениях в целом. Не о том, что на-

чался какой-то подъем, жизнь поправилась, улыбнулась фортуна и следует ожидать теперь положительных результатов во всем, в том числе и в финансах. А о том, что финансы, в первую очередь и главным образом, имеют тенденцию и перспективу к успешному росту.

Можно ли, возникает в этой связи вопрос, разделить аквариум (который полный, с рыбами или гадами) и рыб с гадами на два представления, отнеся одно к идее подъема, успеха (скажем, полный аквариум), а второе – к тому, что это финансы? Думается, что такое деление было бы неоправданным. Из чего следует то, что ‘аквариум с рыбами или гадами’ следует разбирать как неразложимое, спаянное (если пользоваться представлениями о типах фразеологических единиц), слитное образование, целостный имажинативный образ. А потому, в толковании сновидений у данного автора, согласно его концепции, нет просто аквариума, есть аквариум с рыбами или гадами либо пустой (либо тот, в котором мы сами плаваем). И тогда финансовое исполнение, коррелируя с “исполнением” аквариума, определяя его в таком направлении, интерпретируя его как аквариум действующий, будет его выражением, реализацией его как имажинативного образа.

То, что аквариум полный (как действующий), хорошо, поскольку дает ощущение возможно более полной реализованности в финансовой сфере, не означает, как следует из дальнейшего, того, что пустой, т.е. не действующий, аквариум (что плохо) означает отсутствие не просто успехов в финансовой сфере, а денежных средств. Он означает заботы и неприятности, не обязательно, следовательно, в финансовой сфере. Пустой аквариум не исполняет своего назначения. Его можно воспринимать как своеобразный вызов, действующий на сознание как укор, как зияющая дыра, требующая участия, подключения к действию, к наполнению, заполнению. Он прозрачен, через его прозрачные стенки надо смотреть, чтобы в нем то, что следует, что должно находиться, увидеть. И этого нет. Ощущение неприсутствия в нем того, что должно быть, предполагая при этом усилия, чтобы глазами внутрь него войти, оказаться внутри, невольно и неизменно рождает неудовольствие, обманутость ожидания и беспокойство. Отсюда, по-видимому, обозначенные заботы и неприятности. То, что не исполнено и не заполнено, требуя заполнения, может быть заполнено и наполнено тем, что мало приятно, поскольку не к месту и неожиданно в данный момент. Это как вхождение в пустой заброшенный, нежилой теперь, дом. Настораживает такое вхождение, не предвещая ничего положительного и, создавая ощущение глухости и пустоты, «населает» «пустующее» при этом сознание, вольно или невольно, чем-то таким, чего бы не хотелось увидеть.

‘Аквариум с рыбами и гадами’, т.е. действующий и не пустой, и ‘пустой аквариум’, т.е. не действующий, можно сравнить по этому показате-

лю с представлениями типа *действующая либо не действующая церковь, действующий либо не действующий монастырь*, а также *музей, синагога, картинная галерея, мечеть* и т.п. Настораживающая непривлекательность этих вторых обуславливается дополнительно усиливающими представлениями об обстоятельствах их оставленности, заброшенности, предостанности самим себе, о травмирующих событиях их запустения. Это первое. И второе, не менее важное, оставленность их заполняется в сознании либо а) мыслью об обнищании, разрушении и руине (постепенном и неуклонном распаде, т.е. деструкции), вызывая чувство неприятной и озабоченной жалости, либо б) мыслью об их нефункциональном использовании, унижающим их духовное и культурное достоинство (под склад, под конюшню, под бойню, под свалку мусора), что вызывает такое же чувство, смешиваемое с возмущением, неприятием и гадливостью (элиминирующая алиенация). И то и другое может и будет предполагать мысль о присутствии в местах такого “недействования” и “пустоты” чего-нибудь и/или кого-нибудь из ряда малоприятного, возможно даже опасного, и в любом случае нежелательного – хулиганов, бандитов, бездомных, складских работников, случайных, дополнительно разрушающих, пачкающих и разваливающих все внутри “посетителей”, в том числе, при определенных наклонностях, также и неприязненных, если не откровенно зловещих, духов. Как знак не просто незанятости данного места, а его наведенности и нечистоты.

Заботы и неприятности, связываемые с видением пустого аквариума во сне, таким образом, можно представить как настораживающие, не предвещающие ничего хорошего, требующие к тому же, возможно, усилий, сопротивления и посвящений.

О подгруппах сновиденческих образов

Если относить ‘аквариум’, как имагинативный образ, учитывая в качестве обязательных показатели ‘полный’ / ‘пустой’ к типологической группе *вещающих* (репозитивов), что не противоречит рассмотренным о нем представлениям, то возникает вопрос о его отношении к другому подобному имагинативному образу. Скажем, ‘амбару’, который также по снотолкованиям воспринимается в показателях ‘полный’ / ‘пустой’. При этом “вещающее” ‘амбара’ (его ‘полное’ и ‘пустое’) с “вещающим” ‘аквариума’ (его ‘полным’ / ‘пустым’), видимо, будет не совпадать. ‘Амбар’ и ‘аквариум’, следовательно, оба относясь к разряду *вещающих*, будут представлять в нем две разных подгруппы. Если ‘амбар’ предполагает складирование,

создающее защищающую от неприятных воздействий, надежную, ограждающую, “питательную”, по внутреннему своему заданию и назначению, среду, то ‘аквариум’ таковым не является.

‘Аквариум’ дает представление, а тем самым и ощущение, независимого и внешнего, наблюдаемого и “фиксируемого” в сознании, в его располагающем либо, напротив, не располагающем, алиенативном, отталкивающим и настораживающем, имагинативном значении-виде. Отсюда ‘финансовые успехи’, равно как и ‘заботы и неприятности’, связываемые с ‘аквариумом’, видимо, все же не то, чем предстают в толкованиях ‘большое и длительное преуспевание’ полного, в противоположность ‘бедности и неудачам’, пустого ‘амбара’.

Не будем, однако, в развитие данного несовпадения входить, поскольку это задача для снотолкователей, отметив, что группа, класс или разряд, разновидность *вещающих* (репозитивов) может иметь в отношении относимых к ним имагинативным образом накапливающий, насыщающий, наполняющий и довольствующий, преисполняющей своей полнотой, характер, определив их как сатуративы⁸ в ‘амбаре’ как представителе. И может быть исполняющим в смысле действующим и действенным, занятым, полным в своем исполнении как предназначении (либо, соответственно, наоборот), определив это как комплетивы⁹ в отношении ‘аквариума’. То и другое, необходимо добавить, не предполагает прямого следствия для возможных значений имагинативных образов и симметричного соотношения ‘полного’ и ‘пустого’ для них, что, впрочем, было показано на примерах при их рассмотрении.

Третья позиция, связываемая с представлением «Если мы сами плаваем в аквариуме», иллюстрирует то, что было отмечено ранее как участвующее восприятие, при котором сновидящий не просто видит и созерцает происходящее, но и, испытывая какое-либо воздействие с его стороны, подключаясь в него, начинает активно себя проявлять, выступая объекто-субъектом видимого им самим положения. Плавание в аквариуме для человека, как само по себе не вполне обычное состояние, должно вызывать по идее, во-первых, мысль о том, что это за аквариум и почему мы в нем оказались. А во-вторых, представление не об аквариуме как таковом, но

⁸ Лат. *saturo, saturatum* [*satur*] 1) насыщать, кормить, поить досыта; 2) наполнять (*horrea* ‘амбары, житницы, склады’); пропитывать; 3) удовлетворять: осыпать кого-л. почестями; *satur, saturum* [*satis*] 1) сытый, насыщенный; 2) полный, богатый, обильный; 3) тучный, жирный; *satis* 1) довольно, достаточно; 2) изрядно, порядочно; неплохо, довольно хорошо.

⁹ Лат. *compleo, completum* 1) наполнять (*fossam sarmentis* ‘ров связками хвороста’; *favos melle* ‘пчелиные соты медом’; заполнять (*paginam* ‘страницу’); 2) заливать, освещать (*sol complet cuncta sua luce* ‘солнце заливает всё своим светом’; *luna complet orbem* ‘луна освещает округу’); 3) воен. комплектовать, формировать, пополнять;... 7) выполнять, совершать, завершать, оканчивать... 8) занимать.

о том, что с ним связано и чем он является для сознания, возможно, как метафорический и концептуально-оценочный образ.

Аквариум, в котором мы, оказавшись в нем, предстаем как плавающие, прежде всего, не *домашний* аквариум с рыбками, для этого он был бы мало пригоден. Это, скорее, аквариум, определявшийся в приведенной цитате из Википедии как *публичный*, т.е., с одной стороны, достаточно большой и просторный, а с другой, тот, который находится у посетителей данного заведения на виду, будучи предназначен для демонстрации рыб и водных животных, содержащихся в нем. В таком его представлении для нас, находящихся плавающими в нем, заключается а) то, что мы становимся объектом потенциального либо реального наблюдения, будучи выставленными на всеобщее обозрение, б) как животные, дикие звери, птицы и рыбы в клетке, с этой позиции уподобляясь им.

В результате чего возникает испытываемый на себе, переживаемый и малоприятный в целом эффект так называемого *зоопарка*, когда, собираясь, нередко толпой, публика смотрит, получая удовольствие от созерцания кого-либо, где-либо, при каких-либо обстоятельствах находящегося, исключая его из их числа и состава (изолирующая, отделяющая алиенация), возможно при этом его обсуждая, а то и глумясь. Даже если этот эффект реально во сне не имеет место, ощущение себя плавающим в аквариуме, допуская такую возможность, неизменно будет создавать неприятное чувство отчуждающего и отделяющего от остальных выставления напоказ.

К сказанному можно и имело бы смысл добавить также и то ощущение, которое передается в языке с помощью выражений *чувствовать себя как в аквариуме, находиться (жить, быть, сидеть где-либо) как в аквариуме*, как правило, о себе – *Я чувствую себя последнее время как в аквариуме. Мы живем как в аквариуме. Мы с ним как в аквариуме*. Ощущение это способно и может переходить в переживаемое многими чувство неуюта, неловкости, состояние не по себе, возникающее у них в застекленных, нередко больших, помещениях без занавесок, гардин или штор. Ср.: *Не нравится мне в этом ресторане, что с того, что сидим наверху, чувствую себя как в аквариуме за стеклом. Или: Построили новое здание, а стекла до самого полу, люди должны себя чувствовать там как в аквариуме. А также: Стекла на окнах огромные, а занавесок нет, все наружу, навывтряшку, ну прям как в аквариуме. И аналогичный пример: Хоть бы штору закрыл, не в аквариуме.*

Вторым ощущением, связываемым с аквариумом, является впечатление прозрачной стенки, стекла, отделяющего «я» от других либо, напротив, других от позиции «я», выступающего в этом случае в роли того, кто их видит за этой плотной стенкой стекла, не входя с ними в соприкосно-

вание и близкий контакт, который к тому же по этой причине становится и невозможен.

И в том и в другом случае следует говорить об изолированном, обособленном восприятии окружающих, сопровождаемом ощущением глухости, гулкосты и пустоты, неспособности слышать, соприкасаться, вступать с ними в отношения и возможные связи. Люди за этим стеклом, как рыбы, плавают, странным каким-то образом перемещаясь, производят кажущиеся плавными, поскольку не слышимые, возможно замедленные, движения, свидетельствующие нередко об утрате ориентации, открывают рот, что-то вроде бы говоря, но что именно, трудно понять. Наблюдающий, впрочем, и не пытается это делать, фиксируя для себя состояние разобщенности как неспособность сближения и взаимодействия. Другие воспринимаются, могут восприниматься им, как отвлеченные, нереальные существа, скорее какие-то образы и картинки. Происходит, тем самым, внутреннее “обесчеловечивание” их, наблюдаемых, но не людей как таковых, и не их как людей, как представителей рода, лишая их сущности человеческого в них существа. Поэтому это не дегуманизация, не мизантропия, не то, что принято так называть, это, скорее, специфический способ, скажем так, восприятия окружающих, вызываемый либо смещенным (суженным) состоянием сознания, в его рецепторных проекциях, в данный момент (крайняя степень усталости, подавленность, упадок сил, депрессивность с отсутствием интереса ко всему, что вокруг), либо болезненное, в том числе и психологически, состояние. Впрочем, причины и происхождение, этиология, всего этого будут для нас не важны. Важно, что это находит свое отражение в языке: *Люди для меня как (рыбы) в аквариуме, вижу их, но не чувствую, не слышу, что и о чем говорят.* Наблюдение чего-то подобного не обязательно будет связано с указанным состоянием, оно может быть вызвано и впечатлением пребывания других за большим и плотным стеклом, отделяющих их и не допускающих взаимодействия с ними: *Ну и что хорошего в этом новом здании из стекла и бетона. Люди в нем как в аквариуме, все можно видеть, что делают, не слышно только, о чем говорят.*

Ощущение разобщенности и отделенности, утрата способности чувствовать себя как совместное состояние и среда с остальными, разделение плотной, поскольку не пропускающей, в том числе и в первую очередь, звук, что имеет значение для общения, но при этом прозрачной стеной как преградой, – все это объединяет то и другое впечатление от аквариума, как для «я», в нем находящегося и в нем себя ощущающего, так и для «я», наблюдающего за находящимися в нем другими людьми.

Из всего этого следует, что ‘аквариум с рыбами или гадами, полный или пустой’, и ‘аквариум, в котором мы плаваем или находимся’ следует определять как два разных имагинативных образа. Если первый относил-

ся к разряду *вещающих* (репозитивов) и подразряду его комплетивов, то второй таковым не является. Аквариум, в котором «мы сами плаваем» или находимся, – это не то, что вмещает нас как свое содержимое, наполняющее или не наполняющее его собой. Отношение к этому будет другим. Речь, скорее, может идти о каком-то ‘нас отделении от всего остального и общего’, с потенциальным, возможно предполагаемым, выставлением нас на показ (о чем, впрочем, трудно судить исходя из разбираемого снотолкования). Значимым может быть не столько то, что «мы» становимся в этом случае объектом возможного наблюдения со стороны других, сколько то, что определяется формулой «мы сами плаваем в аквариуме». Коль скоро мы сами в нем плаваем, то, во-первых, аквариум этот наполнен водой, а во-вторых, мы ведем себя в нем как рыбы, замещая и подменяя их. Данное положение, как следует из предлагаемого разбираемым автором объяснения, означает то, что «возможно, нас ждут потери».

Что важно, точнее, что может быть важным в определяемом случае? То, что в аквариуме мы, плавая, выступаем как рыбы, замещая собой, подменяя рыб? Или то, что в аквариуме находясь, возможно (ничто не мешает такое представить), мы не имеем способности, лишены таковой, самостоятельно выбраться из него, поскольку стеклянные стенки гладки, а вода до края может не достигать? Не исключен также третий случай: поскольку аквариум, по ряду приводившихся ранее определений, это также бассейн или какой-то искусственный водоем, то, в нем плавая, мы не имеем дело с прозрачными стенками, во всяком случае, не это становится характеризующим признаком. Но будет ли это тогда в определяемом представлении аквариум?

Исходя из продолжающей связи с первым, который с рыбами или гадами, поскольку далее следует «Если мы сами плаваем в аквариуме», более верным было бы предположить, что это тот же или, точнее, такой же аквариум, в котором обычно рыбы и гады, а вот теперь оказались и мы. То есть, отвлекаясь от вида, объема и формы аквариума, следовало бы признать, что речь идет об одном и том же или примерно одном и том же объекте (но не имагинативном образе, которых в данном случае будет два) – аквариуме, в котором плавают рыбы, находятся, а возможно также и плавают, гады и в котором плаваем мы.

Категориальные и предизирующие признаки компонентов состава имагинативного образа

Впечатление от наблюдения за теми, кто пребывает в аквариуме (гады и рыбы), будет существенным образом отличаться от того ощущения, которое сопровождает чувствующего себя в нем плавающим. В первом случае это можно определять как переживаемое удовлетворение, удовольствие от наблюдаемой природы в ее живом и доступном для созерцания воплощении для стихии воды. А соответствующий ему эмотив – сформированным на основе исполненной действенности аквариума в его назначении. Все это составляло бы представление об имагинативном образе, проявившем себя как ‘аквариум с рыбами или гадами’.

В то время как во втором, для ‘мы сами плаваем в (этом) аквариуме’, переживание наблюдения переходит в переживание проявления, сопровождаясь ощущением неудобства, неловкости, неприятности. С представлением ‘быть не собой’, ‘не в себе’, ‘не в привычном своем положении’. С возможностью стать объектом потенциального наблюдения и обсуждения и неспособностью выйти, выбраться из четырехстенной, прозрачной, держащей в себе, на себе воды. Эмотив подобного состояния формировался бы из представлений о разобщенности, отделенности, отчуждении, неспособности выйти из положения, не допускающего взаимность с другими, контактное взаимодействие с ними на общей основе и в общей с ними среде, при дополнительной «припечатывающей» неспособности скрыться, уйти от такого своего пребывания для них напоказ. Представленная конфигурация, в своем уточненном, объединяемом с переживаемым ощущением, виде выглядела бы тогда как ‘четырёхстенное прозрачное содержимое для воды с теми, кто в нем находится для наблюдения, но не как в среде своего обитания’.

Категориальными признаками разбираемого образа были бы, следовательно, представления о ‘четырёхстенном’, ‘прозрачном’, ‘содержащем в себе (быть способным в себе содержать)’, ‘для воды’, а предизирующими – ‘быть объектом для наблюдения’, ‘обитать’, ‘пребывать’.

Для переживаемого ощущения такими категориальными признаками могли бы быть ‘удовлетворение’ либо ‘неудовлетворение’, ‘удобство’ либо ‘неудобство’, ‘приятное’ либо ‘неприятное’, ‘удовольствие’ либо ‘неудовольствие’ – ‘от наблюдения’, ‘от контакта с природой’, ‘от живого’ либо ‘от неживого’, ‘от стихии воды’ либо ‘другой стихии’, а предизирующими – ‘переживание в данный момент’, ‘наблюдение’, ‘ощущение воплощения’,

‘проявление’, ‘быть собой’ либо ‘не быть собой’, ‘способность либо неспособность выйти’ из неудобного положения’ и т.п.

Эмотив, соответственно, предполагал бы в качестве возможных для себя категориальных признаков – ‘исполненность’ либо ‘неисполненность’, ‘действенность’ либо ‘недейственность’, ‘назначение (соответствие либо несоответствие)’, а предидирующих – ‘разобщенность’, ‘отделенность’, ‘отчуждение’, ‘неспособность установления контакта (контакт / дисконтакт)’ и т.п.

В завершение разбираемого толкования следовало бы сказать, что «Если мы сами плаваем в аквариуме», то, что «возможно, нас ждут потери», следует определять и рассматривать как проекцию охарактеризованного второго имагинативного образа. И тогда сам этот образ как относящийся к разряду, который можно определить как *отделяющие*, прерывающие, изолирующие, замыкающие, обрывающие контакт, или сепаративы¹⁰. Дальнейшее уточнение данного образа с отнесением его к подразряду может быть произведено при сравнении его с другими сепаративами.

Abstract

‘Reptiles’ and ‘fish’ from the *fish tank* perspective (1)

Based on the fish tank symbolism in the dream books some features are derived and determined. These features are typical for the reception and feeling of the so called imaginative pictures which are typical for imaging, feeling, experiencing and realizing of the conceptual-assessing and sensitive impressions. The assumptions connected with the observation of the object as well as with being there (i.e. in a fish tank). There are features which are determined both separately and mutually and they describe the states in question. The reptiles and fish (mentioned in the title) according to the interpretations quoted are the element which fills up a fish tank as well as the projection of its positive (the negative in the aspect of its lack). On the other side in a non-visible but perceptible way the subject that is observing them in a fish tank and ten with a human being and that human being is identified with that subject. All those elements mentioned above together with characterized semantics of those images (i.e. a fish tank with reptiles and fish inside it) are the key to understand another consciousness to transfer a person into the other existence, with the interpretation of the visible and non-visible world but experienced by a human.

Keywords:

language mentality, semantics, imaginative picture, perception, fish tank, reptiles and fish

¹⁰ Лат. *separo, separatum* 1) отделять, разделять, разобщать, обособлять (*aliquos a cetero exercitu* ‘кого-либо от прочего состава (собрания) граждан’; *equites ex omni populi sumtā* ‘всадников от всего остального народа’; *Euroam Asiamque fretum separat* ‘Европу и Азию отделяет пролив’); 2) исключать (*aliquem ab amicis* ‘кого-либо из (состава) друзей’).

Abstrakt‘Gady’ i ‘ryby’ z perspektywy *akwarium* (1)

Na przykładzie symboliki *akwarium* zawartej w sennikach wyprowadzane są i określane cechy, właściwe dla odbioru i odczuwania tak zwanych obrazów imaginatywnych, obrazów charakterystycznych dla wyobrażania, odczuwania, przeżywania i uświadamiania, konceptualno-oceniających i sensorywnych w swojej istocie wrażeń. Prezentowane są założenia powiązane z obserwacją obiektu, jak również przebywaniem, znajdowaniem się w nim (dotyczy akwarium). Określane są cechy, które oddzielnie jak i wspólnie charakteryzują omawiane stany. Tytułowe gady i ryby na podstawie przytaczanych interpretacji w sennikach są, z jednej strony, elementem zapełniającym akwarium i projekcją jego pozytywu (negatywu w aspekcie ich braku). Z drugiej strony, w sposób niewidoczny, lecz odczuwalny, wchodzą w relacje z obserwującym je w akwarium podmiotem, a następnie znajdującym się w nim człowiekiem, po części w pewnym stopniu utożsamianym z owym podmiotem. Wszystko to razem, charakteryzując semantykę omawianych obrazów (akwarium oraz gadów i ryb w nim), stanowi klucz do zrozumienia i wyjaśnienia zdolności ludzkiej świadomości do przeniesienia samego siebie na inny byt, z interpretacją świata widzialnego, jak i niewidzialnego, i przez siebie przeżywanego.

Słowa kluczowe:

świadomość językowa, semantyka, obraz, percepcja, akwarium, płazy i ryby